

УДК 165.62

**ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**POST NONCLASSICAL SOCIAL THEORY:
PHENOMENOLOGICAL APPROACH**

©Иванова А. С.,

SPIN-код: 9574-7979; ORCID: 0000-0001-6482-2706;

канд. филос. наук,

Московский государственный технический университет им.

Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет),

г. Москва, Россия,

©Ivanova A.,

SPIN-code: 9574-7979; ORCID: 0000-0001-6482-2706; Ph.D.,

Bauman Moscow State Technical University,

Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития современного обществознания. Представлена модель классической, неклассической и постнеклассической моделей социального познания. Феноменологическая теория заявлена в качестве постнеклассической методологии, выходящей за рамки оппозиции «позитивизм – антипозитивизм» в обществознании.

Рассмотрено влияние феноменологического проекта Э. Гуссерля на социальную теорию (А. Шюц, Г. Гарфинкель).

Annotation. The article examines the trends in the development of modern social science. A model of classical, nonclassical and post-nonclassical models of social cognition is presented. Phenomenological theory is declared as a post-nonclassical methodology that goes beyond the opposition "positivism - antipositivism" in social science.

The influence of E. Husserl's phenomenological project on social theory (A. Schütz, H. Garfinkel) is considered.

Ключевые слова: методология социального познания, феноменология; классическая, неклассическая, постнеклассическая социальная теория.

Keywords: methodology of social cognition, phenomenology; classical, nonclassical, postnonclassical social theory.

Во второй половине XX века в науках об обществе происходит эпистемологический поворот, характеризующийся:

- во-первых, сменой типов рациональности, предполагающей отход от идеалов эпохи Просвещения (представления о линейном характере развития человеческой истории, рациональной подконтрольности социальных процессов и т.п.);

- во-вторых, изменением взгляда на проблему оснований науки: на смену идее универсального стандарта научности приходит принцип социокультурной обусловленности знания;

- наконец, изменением принципов построения научных теорий; отказом от естественнонаучной модели получения знания как единственно правомерной, осознание того, что социальное — не только «объективная данность», но и интерпретируемая человеком смысловая реальность.

Указанные мировоззренческие и методологические трансформации обуславливают необходимость поиска новых способов описания социальной реальности, делая изучение неклассических методологий актуальными исследовательскими задачами.

Феноменологическая социология, полагаем, в значительной степени отвечает специфике формирующегося образа наук об обществе, т.к. реабилитирует человеческую субъективность в ее онтологическом измерении, ставит на повестку дня проблему принципиальной укорененности научного дискурса в структурах «жизненного мира», актуализируя рассмотрение венаучных способов когнитивного освоения социокультурной реальности. Подчеркнем и тот факт, что ряд других направлений современной неклассической социальной теории (концепции Ю. Хабермаса, П. Бурдьё и др.) достаточно полно освещены в научной литературе; феноменологическая же социология по-прежнему в значительной степени не исследована, и ее эвристический потенциал не раскрыт [1, 3-4].

Так, долгое время за социальной феноменологией прочно удерживался статус крайнего «субъективизма», поэтому эта стратегия считалась неперспективной. В нашей стране с ней познакомились фактически в 1978 году, когда была переведена книга «Новые направления в социологической теории» [2]. В ней были представлены статьи Филипсона, Филмера, Уолша и др. Работу окрестили «энциклопедией феноменологической социологии», но не преминули определить в качестве «социологического субъективизма», принципиально отличного и противостоящего марксистской теории. И хотя авторы предисловия и говорили о том, что эта традиция апеллирует к позднему Гуссерлю с его критикой европейской рациональности как тотального разведения теории и практики, идеи того, что только посредством интеллектуальной деятельности субъекта удостоверяется бытие.

Как говорил сам Гуссерль, осуществляется «подмена единственно действительного, данного в восприятии повседневного жизненного мира миром идеальных сущностей». Здесь вполне уместна параллель с критикой Маркса созерцательного идеала познания: когда он говорит о том, что «люди никоим образом не начинают с того, что стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира... они начинают с того, чтобы есть, пить... активно действовать». Приведенные слова, разумеется, не повод считать, что эти традиции концептуально близки. Но отчасти это свидетельство того, что желание раскритиковать иногда опережает стремление разобраться, понять.

Характерный пример — позиция П. Бурдьё. Парадоксальность ситуации, однако, в том, что, несмотря на скепсис Бурдьё, к «теории практик», с которой он себя идентифицирует, феноменологи имеют не меньшее отношение (идея «телесной природы сознания», понятия

«горизонтности» опыта, «фоновых ожиданий»). В этой связи возьму на себя смелость утверждать, что та «феноменология», которая критикуется Бурдьё, не была бы узнана самим Альфредом Шюцем. Конечно, сложно подозревать, что столь маститый социолог пренебрегал чтением первоисточников, однако не стоит и заведомо полагаться на его точку зрения (просто в силу авторитета ученого). Как не следует забывать, скажем, и о том, что «габитуса» для Бурдьё операционализировал Норберт Элиас. Так сегодня многие не знают или умалчивают о примечательном факте — переписке Шюца и Парсонса, о том, что Гарольд Гарфинкель, еще одна ключевая фигура социальной феноменологии, был одно время учеником последнего и испытал его сильное влияние.

Таким образом, в случае феноменологической социологии все далеко не так очевидно, здесь есть, с чем разбираться. И изучать феноменологию применительно к социальному познанию необходимо, т.к. она не исследована должным образом.

При этом наш замысел предполагает и более широкий план. Задача — очертить круг проблем современной методологии социального познания. С этой целью необходимо представить своего рода «систему координат» социальных наук — исходя из уровня познания, его характера, а также дисциплин, отвечающих за выработку соответствующих типов знания.

Следует указать место метатеоретического, теоретического и эмпирического социального знания, которым соответствует методология как исследование парадигмальных основ науки, теория метода и «технология», а в разрезе дисциплинарных применений — социальная философия, теоретическая социология и конкретные социальные науки.

Так, социальная философия, с нашей точки зрения, должна быть рассмотрена в качестве метатеории и с этих позиций необходимо вычленять основные стратегии построения социальной теории. Дальнейшая задача — разбор тех методологических, а также предметных основ, которые закладываются и реализуются каждой из трех моделей социального познания. Классическая модель может быть представлена позитивистской и когнитивной стратегиями, неклассическая — переходом от натурализма к культурцентризму, а постнеклассическая — феноменологической социологией. Ключевые направления в рамках последней: «конститутивная феноменология естественной установки» А. Шюца, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодологический проект Г. Гарфинкеля.

Таким образом, обращение к категории «постнеклассичности» применительно к социологии обусловлено стремлением выйти за рамки дихотомии «позитивизм — антипозитивизм», продемонстрировать, что современные версии социальной теории отличны не только от контовской социологии, но и от «номинализма» неокантианства.

В рамках «классической» социологии всеобщие структуры воспроизводят сами себя, социальному агенту надлежит лишь усваивать этот предпосланный ему порядок; «неклассика», напротив, заявит о том, что «нет общества», есть лишь независимые в своем бытии индивиды. В этой связи первый ключевой тезис нашей работы состоит в том, что современная социальная теория отвергает эту логику в терминах «или-или», вырабатывая ресурсы для учета обеих перспектив — и «общества», и «субъекта» — их соотносительности. В этой ситуации задача — продемонстрировать одновременно и объективность структур, детерминирующих социального агента, и исторический генезис этих структур за счет деятельностного «вмешательства» индивидов. Таковы в значительной степени концепция «фигурации» Н. Элиаса, «структуралистский конструктивизм» П. Бурдьё, концепция «дуальности структуры» Э. Гидденса и ряд других. Такова и феноменологическая

социология. Но именно она по-прежнему «в тени». Возможно, потому, что наиболее философична. Однако для нас в этом как раз основной интерес.

Мы разрабатываем тему именно с позиций философии: для нас важна не только передача социологических построений А. Шюца и др., но и не в меньшей степени сам феноменологический проект Э. Гуссерля. Мы полагаем, что он существенно трансформирует облик классической метафизики и делает поэтому возможной иную философию социального (а не столько создает конкретную социологию). Таким образом, для нас принципиальна эта «смычка» философии и собственно социальной теории. В этой связи задача — проанализировать сознание в феноменологии, его важнейшие характеристики: интенциональность, темпоральность и intersубъективность. В частности, следует указать на то, что от перспективы Я как абсолюта феноменология переходит к идее изначальной совместности бытия. Так, перспектива «жизненного мира» предпослана нашему изолированному бытию: Мы не складывается из наших Я, напротив, самость мы черпаем из общей нам перспективы. Со-бытие, — впоследствии будет говорить М. Хайдеггер, — есть условие возможности «одиочества».

Тем самым, полагаем, феноменология делает возможной иную постановку проблемы «социального»: понимание его не в качестве «общественного пространства», институций и проч., но как актуализацию изначальной со-вместности бытия человека. Не «бытие сообщества», но «сообщество бытия», как скажет современный философ Жан-Люк Нанси [3]. Таким образом, мы утверждаем, что социальная проблематика не есть частное обнаружение теории Гуссерля, некий «побочный продукт», но в определенном смысле ее сердцевина. Таков второй ключевой тезис нашей работы.

Третье принципиальное соображение состоит в том, что социальная феноменология порывает с традицией экстраординарного, свойственной классической гуманитаристике. Мы имеем в виду, в частности, формулировку Г. Риккерта: «Значимость тем выше, чем исключительнее явление». «Науки о культуре», в понимании баденцев, нацелены на выдающееся, социальная феноменология, напротив, будет апеллировать к рутинному, каждодневному и с этой точки зрения — ничем не примечательному.

Дело в том, «культура» неокантианства — средоточие высших смыслов, универсальных ценностей, противостоящих эмпирическим «благам» и житейским интересам людей. «Культура» в рамках феноменологии — «жизненный мир» как реальность повседневного. Мир каждодневной «заботы» человека, а не предмет незаинтересованного созерцания. «Рутинность» здесь лишена негативных смысловых коннотаций: это не то, из чего человеку нужно вырваться, дабы обрести себя (пафос классических «наук о культуре»); это стандартизованный срез эмпирической жизни человека как мир правил, стереотипов мышления, схем действия. Эти «первоочевидности, как говорит о них Гуссерль, наука заслоняет идеальными сущностями, противопоставляет эпистему и доксу, «смысл» начинает соотносить с «правильностью» [4, с. 74]. Это и есть «кризис», в понимании Гуссерля. Такова в целом «метафизика», по мысли Хайдеггера: человек разучился видеть, он может только доказывать.

И парадоксальность ситуации в том, что реальность «жизненного мира», будучи «ближайшей» нам реальностью, — именно в этом качестве была «просмотрена» и «не узнана». В этом контексте следует понимать слова Хайдеггера: «онтически тривиальная онтологическая проблема» [5, с. 58]. Наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты в своей простоте и повседневности. Они «просмотрены» — ибо всегда перед глазами.

В этой связи феноменологическую социологию можно охарактеризовать как своеобразную социологию «тривиального». Так, социальное, согласно А. Шюцу, есть типически организованный порядок повседневной жизни: именно типизации обыденного мышления задают схему интерпретации социального мира, формируют общие фоновые ожидания индивидов [6].

Эта стратегия впоследствии была развита Г. Гарфинкелем. Его интересовало то подразумеваемое, не проговариваемое знание, те неявные правила и нормы, которые, по его мысли, и поддерживают социальный порядок. Они «видны, но не замечаются». Дабы их обнаружить, необходимо выключиться из этого поля «известного всем», предстать «рассудительным идиотом» [7, с. 48]. Так, он поручал своим студентам на вопрос «как дела?» со всей серьезностью отвечать: «что вы имеете в виду, когда говорите «как дела»? Подобная реакция вызвала, мягко говоря, некоторую настороженность. То есть у человека есть определенные ожидания: задавая этот вопрос, мы предполагаем получить вполне конкретный внятный ответ (ну уж точно, не ответную просьбу все уточнить и уточнить вопрос). Таких экспериментов Гарфинкелем было проведено великое множество. Задача была показать, что коммуникация становится практически невозможной, если один из ее участников намеренно выключился из этого поля «само собой разумеющегося». Хотя, казалось бы, студент ведь не вел себя асоциально (в традиционном смысле; совершенно спокойно говорил — я с удовольствием отвечу на ваш вопрос, но что же именно вы имеете в виду?), но реакция на его «невинное» поведение была зачастую не менее бурной, чем если бы он создавал аварийную ситуацию на дороге. Гарфинкель же тем самым пытался показать всю значимость этой «легитимной ткани общих ожиданий».

С нашей точки зрения, рассмотрение социального на уровне анализа его вытесняемого невидимого фона — чрезвычайно важный мотив для понимания специфики феноменологической социологии. В фокусе внимания здесь — не передний план (реально протекающее взаимодействие), но их фон как подвижный горизонт смыслов. Только в рамках этого горизонта событие и обретает свой смысл.

В этой перспективе может быть понято четвертое принципиальное соображение нашей работы: вклад феноменологии в преодоление крайностей ментализма и бихевиоризма в объяснении человеческих действий. Критика ментализма здесь — критика отождествления «смысла» действия с субъективным мотивом. В то время как предшествующая веберовская традиция социальное действие объясняла преимущественно исходя из замысла, Шюц попытался объяснить формирование самого замысла, показав, что он с необходимостью отсылает к предшествующим действиям, схожим с замышляемым и входящим в согласованный контекст опыта на момент замысла. В этой связи наряду с «мотивом-для» («смысл» с точки зрения действующего) Шюц выделяет «мотив-потому-что» (причинное объяснение); приоритет отдается последнему.

При этом выдвижение Шюцем на первый план «каузальной» составляющей не следует трактовать в духе бихевиоризма. Приведем пример. Споткнувшись в публичном месте, мы реагируем соответствующим образом не потому, что такова «естественная физическая реакция», но в силу того, что этим демонстрируем окружающим, что и сами разделяем социальную конвенцию относительно неловкости ситуации. То есть реакцию предписывает не биология, но социум.

Таковы основные тезисы нашей работы.

Заключение

В заключение еще раз подчеркнем: заявленная тематика представляется актуальной в связи с сохраняющейся в научном сообществе проблемой выработки методологического аппарата изучения и анализа социальной реальности при условии ее возрастающей сложности и многоаспектности. Принципиальной на сегодняшний момент также остается задача дальнейшей проработки вопроса смены ключевых парадигмальных установок социального знания в связи с переходом от классической к неклассической и далее к постнеклассической эпохе.

В этом контексте практическое значение работы состоит в уточнении и прояснении дискуссий по обретению методологической основы социологического знания. Непосредственно прикладной реализацией работы может послужить возможность использования ее положений при разработке и чтении курсов по общим вопросам социально-философской методологии и феноменологической социологии. Кроме того, сформулированные теоретические и методологические соображения имеют эвристический потенциал: они могут как непосредственно стать основанием для проведения анализа в русле самой феноменологической социологии, так и использоваться для формулировки определенных гипотез при проведении исследований в рамках других методологических подходов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-311-00157 «мол_а» «Разработка постнеклассической методологии социального познания».

Список литературы:

1. Иванова А. С. Методология социального познания: феноменологический подход: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2010.
2. Новые направления в социологической теории / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1978. 392 с.
3. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 310 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
6. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
7. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

References

1. Ivanova, A.S. (2010). Metodologiya sotsialnogo poznaniya: fenomenologicheskiy podkhod: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Moscow, 2010. (in Russian)
2. Osipov, G. V. (eds). (1978). Novye napravleniya v sotsilogicheskoy teorii, Moscow, Progress, 392. (in Russian)
3. Nansi, J.-L. (2004). Bitiye edinichnoe mojestvennoye. Minsk, Logvinov, 272. (in Russian)
4. Gusserl, E. (2004). Krizis evropeyskikh nauk i transtsendentalnaya fenomenologiya, St. Petersburg. Vladimir Dal'. 310. (in Russian)
5. Khaidegger, M. (2006). Bitie i vremya. St. Petersburg, Nauka, 452. (in Russian)

6. Shutz, A. (2003). Smisloaya struktura povsednevnogo mira. Moscow, *Institut fonda "Obshestvennoe mnenie"*. 336. (in Russian)

7. Garfinkel, G. (2007). Issldovaniya po etnometodologii. St. Petersburg, *Piter*, 335. (in Russian)

*Работа поступила
в редакцию 25.03.2018 г.*

*Принята к публикации
29.03.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Иванова А. С. Постнеклассическая социальная теория: феноменологический подход // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №5. С. 700-706. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/ivanova-as> (дата обращения 15.05.2018).

Cite as (APA):

Ivanova, A. (2018). Post nonclassical social theory: phenomenological approach. *Bulletin of Science and Practice*, 4(5), 700-706.